

* * *

Ящик почтовый помер,
в ящике снег не тает...
«Правды» намокшей номер
ветер давно листает...

Письма не ходят в ящик...
Вдруг прострелило мыслью:
Ящик ненастоящий,
он пожирает письма!

Может, он съел десятки,
может быть, даже тысячи!
В миг, поражён догадкой,
к ящику с ломом выскочил.

Ящик с прогнившим рылом
щерился нагло прорезью,
Чтоб неповадно было –
ломом ему в коррозию!

Матом до поздней ночи
я поучал утробу:
«Ящик быть должен почтой,
ты сизошёл до гроба!»

Ящик шипел и дулся,
трескался, но не плакал.
Вдруг зачихал, прогнулся
и плюнул конвертом на пол!..

Прорвав на конверте марку,
болью торчала колкой
Строчка от ручки маркой:
«Прости, что молчала долго»...

...Значит, в нелепой шутке
не был виновен ящик,
Но от побоев жутких
ящик скончался спящим.

Улица непогодит,
дышишь на ящик дымом...
Письма в него не ходят.
Письма проходят мимо...

* * *

На кухне утром бутылок роща,
Чайник. Ставлю на газ его...
Многое в жизни простого проще,
А всё простое – крепче всего:

Три аккорда, топор и водка –
Приёма нет, хоть гранатой рви.
Вот так чугунная сковородка
Пережила две моих любви.

* * *

Греюсь в ране. Живой металл,
Кусок воронёной стали.
Выбор есть: замёрзнуть или убить...

Будь сегодня со мною так,
Будто завтра меня не станет.
И завтра я обязательно стану
быть.

* * *

Всё немного не так, как кому-то хотелось бы:
Неизменное утро к стеклу прилипает влагой,
Вдоль дороги шагают несущие свет столбы
Чётко выверенным шагом.

В одинаковых окнах вагонов слоёный дым
Над унылым, бескрайним брезентом из песни Цоя...
«Мы – хозяева жизни!» – сказала мне как-то ты,
«Есть Любовь и Смерть!» – рассмеялся тебе в лицо я.

Все немного не так. У подошвы ревёт поток,
Камни гладкими делая сотни лет.
Я, как знамя в руках, поднимаю своё Ничто:
Я люблю. И поэтому смерти нет.

* * *

Я ставлю на себе опыты,
Стекляшки чернью копотью.
По глотке глотки топают –
Проторена колея.

Пытаюсь понять, как это:
От пакости жить к похоти?
Из красной, гнилой мякоти
На сто ли процентов Я?..

* * *

А солнце все так же встаёт и садится...
Стираются лица,
И вот уже новые лица
Врезаются в память.
И вдруг понимаешь, что в собственной бане
Смыывается сажа общественных бань...
Стирается грань.
Проступают границы.
А солнце все так же встаёт и садится.

* * *

Строчка сочно крадётся горлом,
Срочно на языке вертится...
Я листочек, натёртый городом,
Как отбитое мясо перцем.

Я кусочек бумаги белый,
Где напишут, кому что хочется!
Напророчено быть пробелом мне
Между точечек в многоточиях
Человеческих жизней, судеб... Ах!
Их напёрсточник море вычерпал...
Пусть напишут, что ж. Да и будет так.
Ненаписанное – не вычеркнешь.

* * *

Мечемся, не уняв
Времени вечный сев...
Время лечит.
Меня.
Руками моих друзей.

С ними сумел понять
Многое.
Видит Бог,
Время лепит меня
Руками моих врагов.

Утоп бы – петлёю ловят –
Соломку
стянули
в сноп...
Спасибо на добром Слове.
Теперь мне хватает слов!

За каждый мой крик бессильный
Прими благодарность, враг!..
За то,
что стрелял по крыльям...
В достатке теперь пера.

Про душу

Широка страна!
Вариантов куча (и каждый – лучший),
Кому продать эту никчёмную безделушку:
Новому богу!?
Или сатане,
как мир, старому?
Распродажа, граждане!
Да неужто пристало вам
таскать с собой эту рухлядь!?
По кабакам, подвалам,
По чьим-то кухням!..

Снимите.
Это давно не модно.
Да и чего ради?
Пакуйте...
На углу работает
пункт
скупки
краденного...

Чего не смел, гражданин с бородкой?
Справедливости в мире нет!?
Прямой обмен! На айфон, на водку!
На новую плазму, на Старый Свет!
На цифровую вытяжку настоящей любви...
Она, представь, даже светится ночью!..
Снимай.
Пакуй.
Да гляди, не рви...
Продай, или обменяй её,
Если хочешь.

* * *
Ключ от сортира в отделе "трусики",
На мониторе чужие фотки.
Маюсь в фотосалоне малосеньком
Между ломбардом и вино-водкой.

Триста за выход, процент на пиво,
На горячем системнике тёплый чай,
Утро. Из принтера смотрят криво
Люди, загруженные в печать...

Времени пашня на серой коже,
Шарфы в клетку, советский драп...

Кто-то им пенсии сбавит, может,
Я им морщины могу убрать...

Малого бизнеса рвутся глотки
В спорах о Боге и колбасе...
Между ломбардом и вино-водкой
Все.

* * *

*Мимо шикарных кладбищ,
Мимо больших базаров...
И. Бродский*

Мимо ярких баннеров, полных полок,
Мимо ценников, брендов, витрин пожарища
Въётся очередь.
Живая очередь...
«Ожидайте, товарищи ожидающие,
Вами займётся наш маркетолог...» –

Объявляет по связи громкой
Голос женщины,
Возбуждающий
Чувство голода,
Страх и похоть –
«Ожидайте, товарищи...»

Брякнул колокол,
И на шаг ещё
Шатнувшись, люди застыли в ропоте.
«Утром занимал я за счастьем очередь,
Почему я в очереди на гроб теперь?!» –
Выкатил мужчина глаза телячьи
Из-под седеющих уже бровей...

Счастье – это от слова «сейчас», мальчик.
А «утро вечера мудреней» –
Фальшь, не иначе.
Фарш из святых мощей
Таких же, как ты, мужчин.

Кнопку красную тронь пальчиком-то
И, как дурачок тот,
Ходи
Да глупее себя ищи.
Мимо хештегов, селфи, страниц ЖЖ,
Мимо ристалищ на них и капищ,
Зная и понимая всё.
Ныне и впредь.

Мимо окон и стен.

Слышишь ведь:
«Вами уже
Занимается
Ваш
ритуальный
агент».

* * *

В его машине кресты с иконками.
Его любовь – на сидении заднем.
Перекрестившись на купол скомкано,
«Во что ты веришь?» – вопрос он задал.

«Верю в судьбу, – говорю, – и карму,
Верю в любовь пока (с ней проблемы).
Молюсь воде и Звезде Полярной,
Потому что они незыблемы...»

Чем мы рознимся? – когда мирок
Тревог испариной жжёт подмышку,
Ты вынимаешь свой кошёлек.
Я – свою записную книжку».

Если жидкость фразами
на уста
Высыпает – в жидкости что-то есть...

Хочешь жить за пазухой
у Христа –
Есть резон за пазуху эту лезть.

Побалую мельком я.
Раз нашел-нашукал
На столе луковку – закушу ей.

И в тугую петельку
божьего пиджака
Пропихну пуговку
головы своей.

Зима и Печь

Зачем мы строим большие печи?

Не лучше ли утеплять дома?

Петр Мамонов

В лапе еловой, несжатом хлебе,
В листве гнилой;
И на земле – зима, и на небе,
И под землёй...

В стогах, сугробах, собачьем лае,
Кошачьих снах –
Зима. Не добрая и не злая,
Как есть. Зима.

Нет-нет, да снег отряхнёшь чекушкой
С сутулых плеч:
Зима – весь мир. Человек – избушка.
В избушке – печь.

Подёрнет ухом у печки кошка
На ставен трель –
С мороза кто-то глядит в окошко:
– Пусти, согрей...

Зима. В сердцах, на висках-опушках –
Везде права...
– Согрею, что ж... Заходи в избушку.
Неси дрова.

Ветха избушка, но пахнет сеном,
Дрова трещат.
И, как-никак, через дыры в стенах
Уходит чад...

...С устатку кто, может, кто с охоты,
А кто – с утех...
Но если в душу стучится кто-то –
Пускайте всех.

Натопчут – пусть! Надымят прилично,
И негде лечь...
Не стены греют.
И не наличник.
Топите печь.